Мадемуазель С.

Шрифт:Меньше АаБольше Аа

©Jean-Yves Berthault, 2015

© Перевод и издание на русском языке «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2017

Пролог

Однажды, помогая подруге разобраться в квартире, я оказался в кладовой, где было свалено множество забытых вещей. Это был хлам, в основном состоявший из разбитых картинных рам, колченогих стульев и старых ящиков. В одном из них я обнаружил пустые стеклянные банки, проложенные листками пожелтевшей бумаги. Это показалось мне любопытным. Кому понадобились такие предосторожности, чтобы сохранить никому не нужные банки? Может, на самом дне скрыто сказочное сокровище?

Меня охватило непередаваемое, редко испытываемое ощущение, будто я вот-вот соприкоснусь с удивительной тайной – стоит лишь протянуть руку; будто что-то сей же час случится и я стану свидетелем чуда. По телу пробежал легкий озноб. Может, в коробке карта, по которой отыщется клад? Полуистлевший шерстяной чулок, набитый старинными монетами. Пачка ценных бумаг канувших в Лету компаний. Тайный дневник давным-давно умершей девушки. Неизвестная партитура Моцарта… Я судорожно разгреб бумаги, вынул из ящика банки – на дне обнаружилась красивая и довольно тяжелая кожаная сумка с серебряным тиснением. Но в сумке не было ничего, кроме беспорядочно перемешанных писем, написанных одним и тем же почерком. Я принялся читать первое попавшееся, перешел к следующему – и не отрываясь прочел остальные. Это были любовные письма вызывающе эротического содержания, чрезвычайно смелые для своего времени (на одном из них значилась дата: 1929 год). Так что неспроста их спрятали в сумке, в старом ящике, под банками и газетами. Письма эти писала женщина по имени Симона.

Снедаемый любопытством, я выпросил их у своей подруги. И теперь они перед вами – письма Симоны своему возлюбленному Шарлю. Они в основном не датированы, и я почти год восстанавливал хронологию событий. В то время я служил послом в одной весьма спокойной стране, а потому беспрепятственно мог посвящать разбору писем не только выходные, но и вечера в будни. Их слишком много, и потому здесь приводится едва ли одна треть. Понятно, что имена главных героев и географические названия мной изменены.

Очень многие читатели этого эпистолярного романа заглотят его как наживку. Ведь письма эти свидетельствуют о похоти, охватившей женщину, которая не стесняется непристойных слов и выражений, а читаются они с тем жадным любопытством, какое обычно вызывает старый эротический роман. В самом деле, словарь Симоны вызывающе смел, и с трудом верится, что эти строки вышли из-под пера образованной молодой женщины прошлого века, к тому же происходившей из хорошей семьи. Как объяснить эту дерзость, этот по-современному беззастенчивый язык?

Один из моих друзей, которому я дал почитать письма незадолго до публикации, сказал: «Да ладно тебе, признайся, что сам все это сочинил! Женщина в 1929 году такого написать не могла». Я показал ему подлинники, эти пожелтевшие страницы с выцветшими от времени строчками, и только тогда он мне поверил.

И все же – где нахваталась Симона неприличных словечек, которые она так беззастенчиво вплетает в изящную канву своего письма? Моя гипотеза такова: появление подобной лексики – необходимое средство преодоления барьера, отделявшего ее от сексуального наслаждения. Она, несомненно, позаимствовала слова Шарля, срывавшиеся с его губ во время жарких объятий; слова, которые мужчина говорит любовнице, но никогда не скажет жене. В своем стремлении к любовной свободе Симона воспользовалась словарным запасом самца. Можно лишь догадываться, как такой уровень свободы, чрезмерной для того времени, действовал на Шарля. Скорее всего, как мощнейший афродизиак. Свобода в выборе слов открывает для любовников новые возможности. Речь идет о снятии одного из самых сильных табу – табу на оскорбление.

Очевидно, смелые слова родились тогда же, когда и смелые поступки. Появление первых предвосхитило появление вторых, питало их. Мы, конечно, не могли бы найти образчиков в библиотеке Симоны – мне представляется, что ее чтение было, что называется, «классическим»; скорее они содержались в ее психике и в коллективном бессознательном эпохи. Я тщательно изучил самую смелую литературу того периода, но не обнаружил там ничего, что могло бы послужить источником такого вдохновения. Жене[1], начинавший свой путь не как писатель, а как вор, еще ничего не опубликовал в те годы (1928–1930), когда Симона писала свои письма. Пьер Луис[2] не позволял себе подобных крайностей. Андре Жид[3] в 1924-м издал «Коридон», а в 1926-м – «Если зерно не умрет», но в этих произведениях он еще не решился сполна проявить свою одержимость гомосексуальными отношениями. Что до «Песен Билитис», то в те годы эта книга еще не заняла свое место в домашней библиотеке достопочтенных буржуа. И конечно, ни в одной из этих книг не встречается лексика, заклейменная эпохой как грязная и непристойная.

И все же Симона оказалась погруженной в этот новый мир, она была современницей первых немых эротических фильмов, эротического «Ревю Негр» с Жозефиной Бейкер[4] и множества других экспериментов, переворачивавших представления о морали. В то время общество помимо своей воли вовлекалось в процесс выработки новых устоев. И история наших двух любовников стала одним из проявлений этого процесса, проходившего через каких-то двадцать лет после отделения церкви от государства.

Этот невероятный документ – одно из многочисленных свидетельств, погружающих нас в мир вырвавшихся на свободу женщин и отдельно взятой девицы-эмансипе, которая, через десять лет после окончания Первой мировой войны, бесстыдно демонстрирует запрос на свободу тех безумных лет. Письма как нельзя лучше иллюстрируют, насколько изменилась репутация парижанок с начала двадцатого века и насколько они были свободны в период между двумя войнами. Говорят они и о неизбывности влечений и постоянстве чувств и о том, что в нашем современном мире, который якобы все познал и изобрел, нам приходится смущенно признать неизменную избыточность инстинктов и потребностей воспроизводящего себя человечества.

Но что особенно меня привлекает – и даже поражает – это восхитительная и трагическая история любви, замешенная на неврозе навязчивых состояний. Мне кажется, что Симона, столь много страдавшая, имеет право не только на свои чувства, на свою жертву, на свои безумства – но и на то, чтобы потомкам стало известно о трагедии ее запутанной и болезненной жизни.

Признаюсь, я вполне доволен и тем, что публикую это произведение вскоре после того, как сложил с себя полномочия посла. Как и Симона, я не приемлю конформизма.

Письмо 1

Суббота, 11:30

Прости, дорогой, за столь короткое послание. У меня так мало времени, а я так много хотела бы тебе сказать, если бы могла!

Сегодня все, что я могу дать тебе, – лишь мои нежные мысли, лишь воображаемые поцелуи, которыми я бы покрыла любимые губы и прекрасные карие глаза. Но я все равно рядом с тобой. Хотя бы в мечтах. А ты, думаешь ли ты обо мне? Я надеюсь, что да! И мне хотелось бы получить от тебя пару слов с утренней почтой в понедельник.

Милый, если все сложится, я так хочу увидеться с тобой в один из вечеров на следующей неделе. Мне так нужны твои ласки, что до следующей субботы, мне кажется, пройдет целая жизнь.

Я хочу снова вкусить минуты страсти нашей последней встречи… Воспоминание о наших ласках вызывает у меня странное томление, мне не терпится вновь оказаться в твоих объятиях и испытать то восхитительное наслаждение, которым ты так умело одариваешь меня. Любовь моя, люби меня со всей страстью твоего желания, я хочу забыть себя среди твоих извращений. Милый, скажи мне, что ты тоже хочешь этих ласк, скажи, что ты счастлив, когда я тебя обнимаю, очень счастлив, что ты любишь меня…

Будь хорошим мальчиком в дни разлуки, мой любимый. Храни для меня, меня одной, свои порочные объятия, я так хочу любить тебя всегда, всегда.

До встречи, мое божество, я тебя обожаю! До вечера вторника, надеюсь!

Одари меня своим прекрасным телом, я хочу сжать его в объятиях, сильно-сильно, чтобы впитать его пьянящий аромат. Я сливаюсь с тобой в глубоком поцелуе, в который вмещаю без остатка свое сердце, полное тобой – только тобой.

Люблю тебя. Со всей нежностью.

Симона
Письмо 2
Каким прекрасным был наш вчерашний вечер… Как взволновали меня минуты, проведенные с тобой, а твое устройство сработало так, что я едва не лишилась чувств. Эти полные страсти слова… они так волнуют, что я непрестанно думаю о них в полумраке моей спальни и… совершаю всякие глупости. Прежде чем юркнуть под прохладное одеяло, я окропляю духами все тело, все его потайные местечки – будто ты вот-вот ко мне придешь.

Устраиваясь удобнее на подушке, я закрываю глаза и вспоминаю каждую черточку моего божества. Моя рука медленно ласкает тело, и оно начинает дрожать. Двигаясь от груди к бедрам, рука останавливается на мгновение на полянке мягких волос, потом подается ниже. Я предаюсь этой ласке, и меня подхватывает волна наслаждения. Я вся дрожу от страсти – потому что всеми силами представляю тебя рядом с собой. Оргазм столь силен, что я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать. Шарль, Шарль, любимый, да, завтра тебя ожидает безумное действо, которого ты желал. Как только я кончу, ты, не давая мне опомниться, возьмешь меня всю – и я снова испытаю оргазм, еще более сильный, чем предыдущий.

Завтра, возлюбленный, мы воплотим наши безумные мечты…

Но мне пора прерваться. У меня нет времени высказать тебе все, что хочу.

До скорого, любимый. Люблю тебя.

Симона
Письмо 3
Среда, 31 июля

Мой бесценный.

Только что получила твое последнее длинное письмо. Как это мило, что ты мне пишешь, как я счастлива была обнаружить в почтовом ящике маленький белый конверт! И как было бы мне грустно, если бы ты сразу же не ответил… Люблю тебя! Мой дорогой, мне невыносимо ожидание до вечера воскресенья. Как и ты, милый, я страстно жду нового свидания. Все мое существо тянется к тебе, призывает искусного любовника – каким ты был и всегда будешь. Нет, милый, я не могу без тебя, знай это. Мне слишком хорошо в твоих объятиях, и слишком хорошо я знаю, какое испытаю наслаждение, отдаваясь тебе… Мысленно я представляю себе наше ближайшее свидание. Ты заставишь меня сладко страдать, отдаваясь тебе, тело мое будет содрогаться под твоим натиском, и я стану молить тебя о пощаде… А ты будешь страстно желать меня, потому что мое тело соединится с твоим, и я сожму тебя своими трепетными бедрами, а мои губы станут жадно искать твои губы, чтобы слиться с ними в мучительном поцелуе… Ты возьмешь меня, любимый, так, как это нравится тебе, и, страстно обнимаясь, мы оба погрузимся в бесконечное наслаждение, какое можно испытать лишь после подобных ласк. Я сумею дать тебе все то, чего ты хочешь. Побольше извращений, скажешь ты? Конечно, Шарль, дорогой, ведь более всего я хочу, чтобы ты был счастлив в моих объятиях. Итак, я вся в твоей власти, мой милый господин! О, если бы ты знал, как мне не терпится поскорее прижаться к тебе! Мне так хочется ощутить жар твоего тела, благодаря которому я испытала невероятные оргазмы…

Милый, дорогой, ты увидишь, как мы будем любить друг друга после этой долгой разлуки, любить, не имея возможности соединиться… Ах, почему ты не можешь освободиться хотя бы на вечер! Какие упоительные часы мы провели бы в тиши и полумраке просторной спальни, прижавшись друг к другу после сумасшедшего экстаза, оставившего нас без сил; наше сильное взаимное желание привело бы нас к высшему наслаждению, и теперь, любовь моя, мы отдыхали бы на широкой кровати… Но к чему эти сладкие мечты, ведь им не суждено уже сбыться… Но дождемся следующей субботы, чтобы испытать эту сладость. Лишь одно беспокоит меня, мой милый: где же нам встретиться, ведь возвращается моя семья!.. Я не верю, что мы сможем так быстро расстаться, любовь моя; если ты ко мне не охладеешь, я не найду в себе сил отказаться от твоих ласк… Нужно обдумать все это. Поговорим об этом в Париже, хорошо? Любимый, я заканчиваю. Напиши мне длинное письмо, чтобы я могла прочесть его перед отъездом. Дорогой, у меня нет моих новых фотографий.

До свидания, сокровище, страстно целую тебя везде-везде! До встречи, любимый.

Люблю тебя безумно, мой драгоценный.

Твоя Симона
Письмо 4
Пятница, 11 часов утра

Мой дорогой друг.

Это последнее письмо, которое ты получишь от меня. Через два дня я сяду в поезд и отправлюсь в Париж, к тебе, любимый, ведь я так тороплюсь прижать тебя к сердцу после долгой разлуки! Ты даже не представляешь, как мне не хватало тебя в эти бесконечные двадцать три дня, проведенные в разлуке. Столько дней прошли в печали, меня не радовала даже природа – а она здесь и правда чудесная. Если бы не твои бесценные письма, в которых ты говорил мне, что любишь меня, и благодаря которым я заново переживала прекрасное время, проведенное вместе, я была бы просто безутешной.

Хочешь, чтобы я рассказала тебе о нашей любви? Нет в языке слов, способных выразить всю страсть, весь огонь, все безумие, сосредоточенные в этих двух словах: «наша любовь». Мы пережили вместе такие прекрасные минуты, мы вкусили такое наслаждение, которое бессмысленно пытаться описать! Что еще я могу сказать тебе, любовь моя, помимо того, что, когда вспоминаю все, что скрыто за словами «наша любовь», она кажется мне прекрасным сном? Ты заставил меня пережить незабываемые ощущения, ты сумел пробудить во мне, благодаря твоей искушенности, прежде неведомое тайное желание, которое побуждает меня стремиться к новым удовольствиям, все более извращенным и сильным. Ты – мастер тонкого искусства любви, и я счастлива, безмерно счастлива, что мне удалось тебя заполучить.

Я ничего не воображала себе за время разлуки, совсем ничего – просто вспоминала. И я знаю, что когда наши тела снова сольются, когда я почувствую тепло твоей кожи – и волна желания подхватит меня, к какому безумству она меня подтолкнет! Да, я люблю тебя абсолютной любовью, люблю всем сердцем – но прежде всего моим телом и всеми органами чувств. Я хочу тебя всего, мой дорогой. Не хочу пропустить ни малейшего местечка на твоем теле, зацеловать тебя всего! Когда, обнаженный и прекрасный, ты покоишься в моих объятиях, меня охватывает подобие безумия. О, милый, позволь мне это сделать, позволь ласкать тебя везде, всего. Я хочу покрыть жадными поцелуями твою гладкую белую кожу, твои сильные бедра, живот и восхитительную грудь, к которой так приятно прижаться горящими щеками. Хочешь испытать острейшие ощущения – говори, приказывай, а я повинуюсь. Такое счастье – слушать, как ты стонешь от желания и удовольствия.

Сердце мое трепещет в восхитительном возбуждении, и я жду твоего первого поцелуя. Ты говоришь, что причинишь мне боль. Пусть так – но скажи, что будешь счастлив в моих объятиях, что я услышу твой победный крик, крик самца, когда, изнемогающую и изможденную, ты сожмешь в объятиях меня.

Я принадлежу тебе, мой возлюбленный, всеми силами моей плоти, опьяненной твоими жестокими ласками… Ты знаешь, я заранее принимаю такую страсть – если она сможет еще крепче соединить нас. С тобой я познала такие сильные ощущения, о каких не смела и думать. Когда ты бьешь меня – я кончаю в неистовом оргазме. Я кончаю, когда ты искусно овладеваешь мной. Я хочу кончать так еще много раз, я знать не знала, что возможны такие оргазмы, когда занималась обычным скучным сексом, оставлявшим меня холодной и безучастной. Ничего обычного я не хочу в наших отношениях, слышишь? Я знаю, что мы оба будем разочарованы. Это опустит нас на уровень обычных любовников, а мы путешествуем по запретным и опасным местам, мы развратны и полны страсти – именно в этом и заключается «наша любовь».

Увы, милый мой, я не могу освободиться от привычных обязанностей, чтобы всецело отдаться наслаждению с тобой! И для тебя, и для меня это невозможно. К восьми утра, как придет поезд, мне нужно отправляться на работу[5]. Придется нам набраться терпения и ждать субботы. Но ты мог бы пройти мимо моего офиса, и у нас было бы пять минут на поцелуй. Или позвони мне[6], чтобы я хотя бы услышала твой голос!

Пора бежать. Мне нужно как можно скорее опустить письмо в почтовый ящик. До свидания, любимый. Обнимаю тебя крепко-крепко!

Твоя Симона
Письмо 7
Суббота, 9:30 утра

Любимый!

Я бы хотела увидеть улыбку на твоем лице. Пусть я ошибаюсь, но, с другой стороны, какие восхитительные мир и покой после такого дня!

Итак, ты был совершенно счастлив в моих объятиях, и они не принесли тебе разочарования. Я так пекусь об этом, потому что прежде всего – и тебе это хорошо известно – думаю о том, чтобы тебе было хорошо.

Если мне удалось довести тебя до бешеного оргазма, поверь мне, мой был таков, что я ощущаю себя обессиленной и опустошенной! Суровая порка, которую ты мне задал, подготовила меня к дальнейшим испытаниям. Шаг за шагом я взбираюсь на все более крутые вершины и однажды – надеюсь, этот день наступит скоро! – достигну такой высоты, что ты сможешь наконец получить порочные ощущения, к которым стремишься.

Да, мое сокровище, ты вылизал меня прекрасно. О, какой глубокий, животный восторг заполнил меня, пока ты ласкал меня губами и языком, пока страстно целовал мою потайную маленькую кнопочку! Чудесные ласки, которые так долго удерживают меня на краю оргазма, как жадно я жду их! Они предваряют апофеоз страсти, которую ты обрушиваешь на меня. В твоих объятиях я счастлива всегда. Я наслаждаюсь, склонив голову на твое плечо, когда ты нежно обнимаешь меня. Я наслаждаюсь, чувствуя кожей твою кожу. И мне кажется, я могла бы часами глядеть на тебя спящего.

Милый Шарль, сегодня утром я не могу написать тебе больше: слишком много забот мешает мне сделать это. Просто знай, что ты бесконечно много значишь для меня, что я люблю всем сердцем тебя и все те вещи – даже самые жестокие, – которые ты делаешь со мной.

В следующую нашу встречу я твердо намерена доказать тебе, что готова к любой боли, чтобы доставить тебе удовольствие – если таково твое желание.

Терзая мое лоно жадным языком, впиваясь пальцами в мои ягодицы так, что на них остались синяки, – ты был именно таким, каким я вспоминала тебя во время моей ссылки. И вот я снова обрела тебя, любимый. Хорошо ли я тебя ублажила? Этого ли ты хотел, или, может, был разочарован и не подал виду? Я все же верю, что доставила тебе удовольствие. Об этом сказала мне дрожь, охватившая твое тело, когда мой язык мягко вошел в ложбинку между твоих ягодиц. А когда мои ласки сделались настойчивее, твой член напрягся и начал бешено пульсировать.

Если тебе понравились эти непристойные игры, я буду счастлива вновь излить на тебя свою страсть. Да, это было восхитительно: вбирать в себя твой огромный пенис, одновременно ощущая ожоги от ударов плети. Но в следующий раз – потому что ты не должен брать меня в обычной, скучной позе, – мы придумаем что-нибудь особенное.

Ох, наша фантазия не знает границ! Пора прощаться, дорогой. Когда мы снова сможем насладиться друг другом?

Нежно обнимаю тебя и страстно целую твои глаза и губы.

Твоя Симона
Письмо 8
Мой дорогой,

ты сводишь меня с ума, слышишь? Сводишь с ума от желания. Твою пневматичку[7] я получила только этим утром. Я обнаружила письмо, придя в офис. Его доставили лишь вчера вечером в половине восьмого, а я так ждала!

Прошлой ночью меня мучили мысли о тебе в тепле огромной постели, свидетельницы наших первых свиданий. Я легла на то место, где лежал ты, вспоминая твое великолепное тело, его безупречную наготу. Я закрыла глаза, чтобы лучше видеть твой образ и вновь пережить каждое прикосновение. Влечение к тебе было безумным, дорогой. Тело мое содрогалось, словно в лихорадке, и медленно, медленно, смакуя каждую ласку, которую ты изливал на меня, я достигла полной иллюзии того, что ты рядом, что твой язык нежно меня ласкает. Оргазм был таким сильным, но – увы! – истина в том, что тебя со мной нет, что ты с другой женщиной и, возможно, занимаешься любовью с ней. И тогда я расплакалась от тоски, я тихо произносила твое дорогое имя, все еще вздрагивая от волн наслаждения, унесших меня далеко от моей одинокой постели.

Дорогой, понимаешь ли ты, как опьяняет меня близость с тобой? Насколько я принадлежу тебе? Я стала твоей собственностью, твоей игрушкой, которая существует единственно для того, чтобы удовлетворять твои порочные прихоти: все мое существо сейчас – не более чем отражение твоей страсти. Не знаю, повинна ли я сама в возникновении твоих извращенных желаний, знаю только, что сейчас ничто не имеет значения для меня, кроме твоего тела, прикосновений, поцелуев. Я вся принадлежу тебе, слышишь? Единственная причина жить – это испытывать потрясающее наслаждение, что связывает нас крепко-накрепко. Связывает животной страстью и порочной чувственностью, и я не могу вынести даже мысли о том, что какой-то другой мужчина может коснуться меня, так жарко горят во мне воспоминания о твоих объятиях. Возлюбленный, милый, не отдаляйся от меня, не причиняй мне страшной боли. Скажи мне, что наша любовь еще не кончена, что даже там, далеко, куда судьба унесла тебя из моих объятий, ты будешь хранить себя для любимой, которая ждет твоего возвращения. Милый, я так страдаю, когда тебя со мной нет! С каждым вечером моя тоска по тебе возрастает, а ведь впереди еще целых три недели. Люблю тебя, люблю, ты знаешь? Хотя, похоже, я люблю тебя не просто чувственной любовью. Мое сердце покорилось обаянию всего твоего существа. Я ревную к тому времени, что украдено у меня! Любимый, дорогой, пусть скорее наступит суббота, чтобы забыть все, что есть помимо нас. Да, нас ждут новые вершины порока, но как хорош этот порок! Это поразительно – быть влекомой навстречу освобождению и испытывать такой восторг. Дорогой, мы станем мечтать о том, чтобы ублажать друг друга и вместе достичь вершины наслаждения. Ты этого хочешь? Наши тела сольются воедино так тесно, что каждая клеточка будет вовлечена в общий экстаз. Дай мне твой эрегированный член, я стану бешено целовать его. И он сделается таким упругим, что наконец войдет в заждавшийся его мой трепещущий анус.

Возьми меня, возьми меня всю. Насладись мной. Будь счастлив в моих объятиях. Люблю тебя.

Симона

1. Жан Жене (1910–1986) – французский писатель, поэт и драматург, главными героями которого были воры, убийцы, проститутки и другие обитатели социального дна.
2. Пьер Луис, по русской традиции – Пьер Луи (1870–1925) – французский поэт и писатель, разрабатывавший эротическую тематику и воспевавший лесбийскую любовь.
3. Андре Жид (1869–1951) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947), оказавший значительное влияние не только на литературу, но и на несколько поколений своих соотечественников.
4. Жозефина Бейкер (1906–1975) – американо-французская танцовщица, певица и актриса, «Черная Венера», выступавшая в двух эротических ревю, в том числе в «Ревю Негр», топлес и в откровенной «банановой» юбочке, у которой бананы напоминали эрегированный член.
5. После окончания Второй мировой большинство женщин, замещавших во время войны мужчин на фабриках и заводах, вернулись к привычным обязанностям домохозяек. Правительство поощряло это, стремясь увеличить рождаемость и возместить катастрофическую потерю среди населения (1400000 мужчин, из них 27 % в возрасте от 18 до 27 лет). Вместе с тем для Парижа 1920-х годов не было ничего необычного в том, что женщина, принадлежавшая к высшему обществу, работала в офисе. Такие женщины боролись за равноправие, жаждали большей независимости. В 1919 году появился бакалавриат для женщин; Симона, возможно, была одной из тех, кто закончил его. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в одном из писем (не вошедшем в эту подборку) она упоминает о «маленькой секретарской должности». Значит, ее работа – отражение социального положения и образования. Возможно, она работала неполный день на каком-нибудь семейном предприятии, что объясняет наличие у нее свободного времени.
6. Нет ничего удивительного в том, что Симона упоминает о телефонной связи почти столетие назад. В то время Париж был одним из самых современных городов мира, в 1900 году было запущено парижское метро, а задолго до этого Шарль Бонсей (главный телеграфист города Дуэй) рассказал о принципе работы телефона в статье «Передача речи с помощью электричества» («Иллюстрасьон», 1854 год). Правда, в 1928 году наличие телефона все еще оставалось привилегией знати и высшей буржуазии, но первые списки абонентов относятся аж к 1881 году.
7. «Пневматичкой» парижане называли пневматический способ доставки почты, который

изобрел Анри Руар, художник, изобретатель и промышленник, в 1866 году проложивший такую линию связи между Гранд-отелем (что рядом с театром Опера) и парижской Биржей. К 1879 году пневматическая почта получила значительное распространение и существовала до 1984 года, когда ее вытеснили факсы, а позднее – электронная почта. Она состояла из 120 станций, почта доставлялась по системе трубопровода с помощью сжатого воздуха. Скорость – один километр в минуту. Отправитель мог купить в почтовом отделении заранее отштампованный бланк и написать до двадцати строк; листок складывался пополам, на чистой стороне проставлялся адрес, и письмо отправлялось в трубу. Спустя всего несколько минут почтальон на другом конце Парижа мог забрать письмо и доставить его по адресу. В те годы это был способ общения в реальном времени. Несмотря на то что пневмопочта практически вышла из употребления, подобная система все еще в ходу в некоторых крупных государственных учреждениях. Когда я только начинал карьеру в Министерстве иностранных дел, пару раз в год приходилось отправляться на дежурство в крошечную и спартански обставленную комнатушку. Ночью меня то и дело будил ужасный шум: прибывали пластиковые капсулы с посланиями. Сейчас все неудобства остались в прошлом, ведь электронные письма перемещаются совершенно беззвучно.

Письмо 9
Любимый!

Как я рада получить весточку от тебя, а еще больше рада узнать, что доставила тебе такое удовольствие в наш последний раз. Понимаешь, милый, меня слишком страшит вероятность того, что ты устанешь от моих прикосновений и пресытишься мной. Ведь желание мужчины – даже самого любящего – столь переменчиво, и женщина всегда боится, что оно угаснет, как гаснет пламя от порыва ветра.

И все же, возлюбленный, я буду стараться удерживать тебя рядом так долго, как только возможно. Я так привыкла к твоему присутствию, что не вынесу разрыва. Я чувствую, что, если ты оставишь меня, я окажусь в окружении пустоты и стану ужасно печальной.

Ты сумел привязать меня к себе своими извращенными ласками. Разве ты не продемонстрировал мне в пятницу, каким счастьем можешь меня одарить? Я была счастлива, очень счастлива в твоих объятиях, мой дорогой. Правда, мне было больно, но зато я знала, что твое наслаждение стоит моей боли, и это, видишь ли, придаст мне силы вынести более тяжкие испытания. Но разве ты не вознаградил меня за это? О, какая же это радость – чувствовать, как во мне пульсирует твой член! Ты искусно продлевал ожидание мною самого заветного момента, и твоя страсть пробудила в моем теле звериное желание, буквально взорвавшее меня изнутри. Я жаждала твоей плоти, но ты вручил мне все свое существо. Но разве я не сумела довести его до дрожи, как тебе и хотелось? Как же радостно мне было покрывать поцелуями все твое тело до самых сокровенных местечек.

Драгоценная моя любовь, как тесно мы связаны отныне! Наша общность в пороке сближает нас сильнее, чем обычное чувство, которое, я в том уверена, не дало бы нам столь полного и законченного наслаждения. Хорошо, что нам довелось такое испытать, да, дорогой? Чувственный огонь, опаляющий нас, поднимает нас над реальностью, и мы возносимся над обычными любовниками, которым никогда не познать удовольствий, доступных только для тех, кто способен к ласкам, подобным нашим.

Любимый, отныне ничто нас не остановит. Вместе, рука об руку, мы преодолеем грань безумия. Мы познаем вкус запретных ласк, так что ни одно из мыслимых удовольствий не останется втуне, ведь мы так любим друг друга. Я хочу, чтобы ты рассказал мне о всех своих желаниях, хочу знать, не нужно ли тебе что-то еще. Хочешь любить меня иначе? Был бы ты счастливее, если бы наша любовь была обычной, как у всех?

Ответь, любимый.

Готова дарить тебе самые опьяняющие ласки – везде, где захочешь.

Симона
Письмо 18
Понедельник, 4 часа утра

Любимый.

Если бы ты только знал, как рада я была вновь тебя видеть! Я хотела обнять тебя, прижать к сердцу, полному чувств к тебе, целовать твое тело, которое так меня манит и влечет. О, как кружится моя голова, когда твои губы касаются моих! Я бы хотела, чтобы этот поцелуй никогда не кончался… Я так торопилась снова тебя увидеть после долгой разлуки – и вот мы опять порознь. Но прежде мы пережили часы безумств, и теперь ты полностью мой… Когда мы встретились, я вновь поняла, как ты мне дорог, как страстно я буду ласкать любимое тело, такое близкое мне этим утром и такое знакомое.

Любимый, ты, похоже, не понял, что я потеряла голову от страсти. Если бы только мне заполучить тебя сейчас, что бы я творила! Я бы зацеловала тебя, твою грудь, твой живот, твои бедра. Я бы нашла петушка, такого мягкого и теплого, зажала бы его губами. Я бы медленно-медленно сосала его, чувствуя, как он твердеет и набухает у меня во рту. Тогда я бы оставила его на время и спустилась еще ниже, туда, в темную щель между твоими чудными ягодицами, и там нашла бы одно чувствительное местечко, запустила бы в него язык и одарила тебя лаской, которая так тебе приятна. Я распробовала бы самую интимную твою плоть, и ах как жаль, что я не могу войти в тебя так, как входишь в меня ты! Я бы прижалась к тебе всем телом, и не осталось бы такого места, которое бы я не исследовала своим языком. Я хотела бы изобрести такие ласки, которые заставили бы тебя стонать от неизведанного блаженства, я хотела бы собрать с воспаленных губ твой эротический бред, я хотела бы довести тебя до счастливого обморока… Ох, дорогой, я так люблю тебя… Разве можешь ты в том сомневаться? Ты отравил мою кровь ядом порока, и теперь я алчу самых диких совокуплений, как зверь. И как течная самка хочу, чтобы ты ворвался в меня, в мою плоть. Хочу завывать по-звериному под натиском твоих ласк и фрикций. Но это не важно! Все, чего я истинно хочу, – любить тебя, дарить тебе наслаждение своим воспламенившимся телом, любимый, божество, почему ты сейчас не со мной? Наступай скорее, суббота, я хочу страдать, хочу любить… Я хочу сосать твой член, лизать твой анус, который обожаю. Мой язык будет без устали ласкать их. Я буду сосать, извиваться, отдавать тебе себя. Ах, Шарль, я схожу с ума от желания, у меня нет больше сил. Я так исступленно хочу тебя, что это вызывает боль во всем теле. До вечера, любовь моя. Обожаю. Люблю. Хочу.

Симона
Письмо 21
Мой любимый.

Читаю и перечитываю твое короткое письмо. Как мне это приятно! Мне очень страшно было тебя разочаровать… Теперь я знаю, что, если даже я не слишком преуспела, ты тем не менее испытал бесконечное удовольствие от этой извращенной ласки. Да, мой дорогой, надо, чтобы в следующий раз ты испытал еще большую радость, чтобы у тебя возникло ощущение, будто мощный член прорывается в твою плоть. Он будет бешено двигаться во всех направлениях, ведь так же это делаешь и ты, когда берешь меня всю в подобной позе.

Любовь моя, я была бесконечно счастлива в твоих объятиях. Ты оставил меня без сил, мой любимый, но как же это меня опьянило! Никогда еще я не испытывала такого упоения от твоих ласк, как в этот день. Не потому ли ты задал мне такую трепку, что член твой был недостаточно крепким? Я не знаю… Я не могу разобраться, что происходит со мной, но я счастлива с тобой и я не хочу, чтобы это счастье когда-либо закончилось.

Я тоже, любовь моя, буду думать только о тебе все эти дни. Вдали от тебя, несмотря ни на что, все мое существо будет принадлежать тебе, и я стану наслаждаться нашими счастливыми минутами. Из этих воспоминаний я стану черпать мудрость терпения, чтобы дождаться тебя, но не думаю, что я его обрету, ведь они слишком сладостны и живы. А потому по вечерам, в своей огромной кровати, прежде чем уснуть, я стану тихонько призывать мое божество. И прикрою глаза, чтобы перед моим внутренним взором предстало твое лицо.

Это так много – несколько дней видеть тебя, и так мало. Не забудь меня, мой божественный, помни о нежности, которую ты мне оставляешь, помни, что я жду тебя и что я хочу тебя всеми силами моей души, и это желание утихает лишь в твоих объятиях и от твоих ласк. Пообещай мне быть мудрым в эти долгие недели и что ты будешь писать мне каждый день, так же как я – тебе. И если ты хочешь доставить мне великое удовольствие, особое удовольствие, то ты пришлешь мне свое фото, сделанное там, на месте, чтобы я могла лицезреть моего возлюбленного в его прекрасной униформе. Скажи, ты хочешь подарить мне эту радость? Это единственное, о чем я прошу тебя до твоего возвращения. Потому что, когда вернешься, я знаю, что получу все, когда ты примешься ласкать меня. Это и есть радость всей моей жизни, и ты это знаешь. До встречи, мой бесценный. Я вся прижимаюсь к тебе, чтобы ощутить твое тепло. Я покрываю страстными поцелуями твое тело, которое так люблю, я запечатлеваю долгий поцелуй на твоих обожаемых губах и прекрасных глазах, взгляд которых так меня опьяняет.

До завтра, мой любимый, забудь, что я вчера была злой, ведь мне было так страшно тебя потерять. Люблю тебя.

Твоя возлюбленная

Симона
Письмо 22
Среда, полночь

Этим вечером, Шарль, я вновь отложила объяснения между нами: я была слишком взволнована, и потом, не на улице же, в толпе говорить об этом.

Что же с тобой происходит?

Я должна ответить откровенно, мой дорогой, ничего не скрывая.

Ты страшно изменился за несколько дней, Шарль. Пока был в Бандоле, ты был таким любящим и нежным в своих письмах. Ты тоже писал мне каждый день, а когда вернулся, мы прожили вместе незабываемые часы. Затем ты стал постепенно от меня отдаляться. Ты даже более не отвечаешь на мои письма. Я вижу тебя всего несколько минут по вечерам, и, будучи рядом, ты как будто испытываешь невыносимую скуку. Ты упорно сдержан, ко всему безразличен, и можно подумать, что тебе не терпится одарить меня прощальным поцелуем, чтобы наконец избавиться от моего присутствия.

В то время как я тороплюсь поскорее увидеть тебя, ты уже при встрече думаешь о расставании.

У нас была возможность встретиться с тобой на этой неделе, и ты даже не попросил меня ни о чем. Я предложила субботу, но ты ответил, что уезжаешь за город.

Это меня бесконечно ранит, Шарль.

Вчера мне показалось, что у тебя кто-то есть. Я долго бродила по лесу, чтобы успокоиться. И сегодня, видя все то же безразличие, я не могу не отдавать себе отчет в перемене, которая с тобой произошла.

Так что нам лучше объясниться вполне определенно, чтобы расставить все точки над «i». Зачем принуждать себя? Если я утратила в твоих глазах притягательность незнакомки, зачем настаивать на встречах, Шарль? Надо сказать друг другу «прощай», нежно, пока мы еще можем это сделать. Не стоит ждать. Не стоит осквернять четыре месяца гармоничных отношений грубыми словами. Нам следует расстаться, как мы прежде и предполагали, с улыбкой.

Как видишь из этого письма, с моей стороны нет ни горечи, ни желания ссоры.

Именно мое сердце и мое глубокое чувство к тебе диктуют мне эти слова. Возможно, не зная меня вполне, ты колеблешься в том, чтобы порвать со мной. Ничего не бойся, Шарль. Что бы ни случилось, ты навсегда останешься для меня одним из лучших воспоминаний моей жизни и во мне всегда будет жить память о наших безумствах.

Но этим вечером мне надо было высказать тебе всю свою боль. Ведь ты сомневаешься в том, что она во мне живет. Ведь еще совсем недавно я получала от тебя письма из Бандоля, и те нежные слова слишком свежи в моей памяти.

А я – я писала тебе письма из своей постели – из нашей постели, при мягком свете маленькой лампы. Вот почему, хочу того или нет, вновь вспоминаю все наши ласки и предаюсь печали.

Что ж, все это ничего не значит. Все пройдет. Не печалься. Если все кончено, что ж, скажи это мне. Я буду сильно горевать и долго-долго печалиться. Ведь я люблю тебя, ты знаешь, сильно люблю. И не стану обижаться. Это так естественно, в конце концов.

Прощай, мой дорогой Шарль, мое прекрасное божество. Позволишь ли ты в последний раз поцеловать твое обожаемое тело, как мне хотелось это сделать в субботу – и всегда, всегда?

Напиши мне хоть словечко, но если тебе это неприятно – не надо. Я пойму.

Мои губы ищут твои губы для долгого поцелуя.

Твоя любящая возлюбленная

Симона
Письмо 23
Вечер воскресенья

Мой любимый!

Сегодня последняя ночь, которую я провожу в этой комнате. Завтра вечером я ее оставлю, и от одной мысли об этом меня охватывает великая печаль. Мне кажется, я оставляю в ней частицу своего счастья и чуть ли не саму себя. Сегодня вечером, знаешь, воспоминания теснятся перед моим внутренним взором, тревожные образы чередуют друг друга. Ты здесь, мой любимый, рядом со мной. Ты раздеваешься в маленькой комнатке. Я словно слышу каждое твое движение. Вот сейчас ты предстанешь передо мной, в своей восхитительной наготе. Моя комната в этот вечер совершенно такая же, как всегда. Стоящий на комоде ночник расточает мягкий рассеянный свет на огромную кровать и пространство вокруг меня, на вазы с цветами, которые подарили мне вчера на день рождения и которые напоминают мне о красных розах того прекрасного июльского утра.

Как бы я хотела, мой любимый, разделить с тобой эту постель! Если бы ты был сейчас здесь, со мной, какие безумства были бы нам доступны!

Когда ты разомкнул вчера свои объятия, я была истерзана. Ты с таким пылом умерщвлял мою плоть, любимый, что мои стоны его не умаляли, и твои пальцы все сильнее сжимали мои ягодицы в последнем приступе желания. И сегодня, любовь моя, я – всего лишь несчастное инертное тело, на котором остались ужасные следы твоей страсти. Ягодицы, которые ты любишь, ты так исхлестал, что они утратили свою привлекательность. На них красуются следы жестокой игрушки, которая так безжалостно попирала мою плоть. И теперь мои ягодицы – сплошной синяк, наши безумства лишили эту часть тела былой привлекательности.

Как же я люблю тебя, мой божественный. Как я была счастлива вчера, когда поняла, что в моих объятиях ты познал истинное опьянение страстью. Твои глаза, устремленные на меня, были полны света, были полны радости победителя, а твои поцелуи были такими нежными и долгими, что я забывала в твоих объятиях о своей боли.

Скажи же мне, мой дорогой возлюбленный, что я была вчера твоей безропотной и покорной рабой, скажи, что твоя жестокая страсть утолена, а твой горячечный бред сменило умиротворение победителя. Скажи, было ли тебе хорошо?

Мне захотелось доказать, что я вся принадлежу тебе. Это испытание, милый мой, мне нужно было пройти, чтобы ты знал, что теперь ничто не может нас разлучить. Если ты сомневался в моей любви, если опасался, что я изнемогла, теперь ты видишь, как я тебя люблю. Разве я не говорила тебе, что я твоя раба, что я доказала, как много смогу перенести, чтобы ты был счастлив. Приди ко мне и в этот вечер, мой любимый. Приди! Эта кровать слишком обширна для нас с тобой. Но нам нужно еще больше места, чтобы наши тела прижались друг к другу. Приблизь ко мне твои губы, мой возлюбленный, моим губам так не хватает твоих поцелуев. Твои объятия умиротворяют мои взбаламученные чувства. Прижавшись к тебе, я ощущаю тепло твоей кожи. Она притягивает меня неудержимо. Я хочу вбирать губами твое тело, хочу страстно целовать твои бедра, ягодицы, член. Позволь мне тоже насладиться тобой, я страстно хочу твоего прикосновения. Я хочу прижать тебя к себе, кожей ощущать твою кожу, а когда опьянею тобой, когда пресытятся мои губы, ты погрузишь меня в сладостное безумие, ты направишь свое желание куда захочешь, ты ворвешься в мою плоть своим отвердевшим членом. И мы оба будем пьяны от сладострастия.

Шарль, мой дорогой, мне страшно. Мне иногда страшно, что я так люблю тебя. Я живу в постоянном страхе тебя потерять. И когда тебя нет рядом со мной, это заставляет меня страдать.

Во мне бушует неистребимое желание обладать твоим телом, жажда твоих ласк. Ты представляешься мне желанным и соблазнительным, и я всеми силами души хочу тебя. Я тебя обожаю, мой любимый. Я испытываю радость лишь в твоих объятиях, даже в страданиях. Даже подвергаясь насилию, я исторгаю вопль любви, обращенный к тебе, мое божество. Отдайся мне всем твоим существом. Дай мне свой член, как это сделал вчера, я хочу ощущать своими губами его трепет, хочу видеть, как ты закрываешь глаза в ожидании приближающегося оргазма, когда ты более не можешь удерживать сперму, которая исторгается в мой жадный рот. Я проглочу все до последней капли. Люблю тебя. Дай мне твои обожаемые губы.

Шарль, я теряю разум. Я чувствую, что схожу с ума. Я слишком люблю тебя. Я бесконечно твоя. Я хочу снова испытать от тебя боль, ведь я знаю, что этого хочешь ты, я знаю, что именно так ты представляешь себе любовь. Я люблю тебя с твоими страстями и желаниями, какими бы порочными они ни были. Я хочу тебя, я испытываю бешеное желание. Я хочу твои ягодицы и твой член. Я разбита. До завтра, моя великая любовь. Скажи же, что мы никогда не расстанемся. Скажи, что ты любишь меня всей своей порочностью. Как я была бы счастлива, если бы ты мог мне ответить!!!

Я люблю тебя, дорогой мой Шарль.

Симона
Письмо 27
Мой дорогой возлюбленный!

Только что обнаружила твое письмо. Какой приятный сюрприз, и как же я рада! Наконец-то ты стал таким, каким был всегда на протяжении этих четырех месяцев: очаровательным другом первых дней и восхитительным любовником последующих. Я счастлива, мой дорогой, что сумела осчастливить тебя, и прошу лишь об одном: чтобы все это длилось как можно дольше, ведь наша любовь воистину прекрасна. Разве не так, любимый?

Да, непременно настанет день, когда я позволю тебе осуществить опыт, о котором ты мечтаешь. Ты привяжешь к кровати мои руки и ноги и примешься бешено меня хлестать. Под ударами хлыста я не смогу удержаться от стонов, и мои мольбы тебя не остановят, ведь ты будешь готов терзать мою плоть до умопомрачения. Но перед этим захочешь разбудить свою кровь. Со свирепостью во взгляде, готовый к любым безумствам, ты станешь неистово целовать мои посиневшие ягодицы, на которых вскоре появятся кровоточащие рубцы от твоих безжалостных ударов. Какие восхитительные мгновения! Ты удовлетворишь свое вожделение, ты дашь проявиться твоему желанию, которое испепеляет тебя, и ты овладеешь мной, с бешеной страстью сжимая меня в своих объятиях.

Понятно, мой драгоценный, что я думала о тебе вчерашним вечером, как и все эти дни. И одинокие ласки не притупляют мои чувства настолько, как мне бы хотелось. Мне постоянно не хватает твоих объятий, мой бесценный возлюбленный, и ничто для меня не может их заменить, ведь ты так восхитительно умеешь обладать мной, и уже легкое прикосновение к телу твоей молодой плоти рождает во мне восхитительное опьянение. Я тоже хочу обладать тобой, хочу ощущать в себе движения твоего члена. Увы! Я не могу, сама по себе, дать тебе такое же высшее наслаждение, и мне приходится прибегать к помощи подручных средств. Но я хочу найти нечто вполне реальное, что позволит мне доставить тебе необычайное удовольствие.

Мой дорогой возлюбленный, я бы хотела ощущать твой язык и твои губы между моих бедер. Я хочу, чтобы ты сосал мой бугорок, как это было в субботу, потому что это незабываемо. Ведь это бесконечно приятно, получать такую ласку от моего любимого, и я была счастлива вобрать в себя твой член. Это восхитительно – смотреть, как розовая головка твоего члена раз за разом утопает в моих губах. Если бы осмелилась, я бы занялась и моим бугорком, чтобы мы могли вместе, одновременно, погрузиться в головокружительное сладострастие. Но я была уже на пределе сил. Ты растерзал меня, любимый. Ах! Скорее возвращайся из поездки, чтобы мы снова могли предаться нашей страсти. Я по-прежнему жажду твоих поцелуев и твоих ласк и только в твоих объятиях чувствую себя совершенно счастливой. Все остальное лишь разжигает во мне желание, которое все сильнее привязывает меня к тебе.

До свидания, любовь моя. Я очень скоро тебя увижу. Мне безумно хочется целовать твои глаза и губы. Я люблю тебя, мой дорогой Шарль. Не заставляй меня от тебя оторваться. Скажи мне свои обычные нежные слова. Расскажи о безумствах, о которых ты мечтаешь. Ты ведь знаешь, что я вся принадлежу тебе и что я исполню любое твое желание, каким бы извращенным оно ни было.

Мой дорогой, я заканчиваю письмо. Я тону в твоих объятиях и слежу за тем, как ты засыпаешь, мое божество.

Я вся твоя.

Твоя возлюбленная, которая так тебя любит,

Симона
Письмо 29
Вторник

Мой дорогой!

Спасибо за признание, которого я так мучительно ждала. Мне было необходимо узнать о самых безумных твоих желаниях, чтобы удостовериться, что ты счастлив в моих объятиях. Почему ты называешь меня требовательной? Разве нельзя то же самое сказать о тебе, мой любимый? Если мои письма доставляют тебе удовольствие, ты должен понять, что моя радость от этого еще увеличивается.

Да, мой дорогой, я прошу у тебя прощения, что нарушила данное мной слово. Я обещала принести ценный предмет для наших утех, но, как видишь, в последнюю минуту передумала. Мне боязно показаться тебе слишком извращенной и порочной. Я не знаю, что за безумие толкает меня к этому, к желанию получить – вместе с тобой – подобный опыт. Ты делаешь меня счастливой, мой бесценный, совершенно счастливой. В твоих объятиях я пережила восхитительные моменты, и моя плоть, вкусившая твоих ласк, уже не сможет от такого отказаться. Ты даже не догадываешься, как мне необходимы твои объятия. Чувствовать телом твое обнаженное тело, ласкать его, пробуждать в тебе неистовое желание обладать мной, – все это сводит меня с ума. Как меня возбуждает зрелище твоего возбужденного члена, наливающегося силой, сжимать его моими жадными губами, наблюдать, как в твоих глазах разгорается огонь сладострастия, пробуждаемый моей лаской. И награждать тебя новой лаской, той самой, которой ждешь от меня, а ты ждешь, дорогой, теперь я это знаю. Я чувствовала, как все твое тело напрягается от прикосновений моего языка, а когда мой палец вошел еще глубже, по глубокому стону я догадалась, что оргазм уже близко. Мне захотелось сделать так, словно я – не женщина, и я прижалась к твоим подрагивавшим ягодицам, обняла тебя свободной рукой, пока мой палец вонзался в твое потаенное местечко. Ты этого хочешь и этого ищешь, не так ли? Помнишь ли ты, кто я? Или ты настолько порочен, дорогой, что наслаждаешься именно при мысли о близости с мужчиной? Ты прав, любимый, подобное обладание рождает удивительное ощущение, и я не стану на тебя сердиться, если именно такой была твоя тайная мысль. Если я могу доставить тебе такое же удовольствие – тем лучше, ну а я – меня возбуждает одна мысль, что я тебя беру. Я получаю огромное удовольствие, насилуя тебя. Что хочешь ты, ведь я сумела дать тебе такую иллюзию реальности? Существует ли какое-то средство, которое дополняет мои личные возможности доставить тебе удовольствие? Укажи мне на него. Наставь меня. Я буду слепо следовать твоей воле. Нет, мы уже не можем остановиться. Каждый день мы все дальше скатываемся к пороку. Наши извращения рождают в нас все новые безумные идеи. Но разве кто-то из нас об этом сожалеет! Мы словно с первого же дня молчаливо условились вот так любить друг друга. Ныне ничто уже не может разорвать этот пакт, ничто, кроме пресыщения. Мы уже не те, но мы будем, будем счастливы.

Да, чтобы любить друг друга, как мы того хотим, нам нужно тайное гнездышко, в котором никто нас не потревожит. Нам нужно отделиться от мира, чтобы дать возможность проявиться этому «мы». Этой зимой мы поищем такой уголок, не так ли? Ведь ты, к несчастью, должен сейчас надолго уехать. Целых три недели не видеть тебя, не иметь возможности тебя обнять! О дорогой, как же это долго!

Но когда вернешься, если ты еще хочешь меня (заметь, я не говорю «если ты меня еще любишь»), ты найдешь меня готовой к твоим пылким ласкам. Раз ты так любишь хлестать мои ягодицы, я предоставлю их тебе без оговорок и страха, ведь теперь, когда я так пострадала от хлыста, я уже не боюсь его, как прежде, к тому же я прекрасно знаю, что доставлю тебе удовольствие, проявив покорность.

Мой любимый, я – твоя маленькая дорогая раба. Так и обращайся со мной, но только никогда, никогда не лишай меня твоих ласк. Скажи, знаешь ли ты, как сильно я к тебе привязана? Знаешь ли ты, как безмерно я тебя люблю?

Мой дорогой, мое божество, как прекрасны твои глаза. Дай мне твои губы. Какое это бесконечное наслаждение – тешиться в твоих объятиях, вздрагивать от твоих ласк, даже самых грубых. Чувствовать тебя во мне, в моем дрожащем анусе, куда с такой страстью вторгается твой член, это неслыханная радость, которая превосходит все то, что мне довелось узнать, и даже то, что я могла вообразить.

Приди, я доставлю тебе это удовольствие. Я тоже войду в твой анус, и ты кончишь, упиваясь своими ощущениями.

Люблю тебя.

До встречи, мой любимый.

Твоя Симона

Письмо 37
5:30

Мой бесценный.

Пишу тебе обещанное длинное письмо.

Прежде всего хочу тебя поблагодарить за четыре страницы, наполненные страстью, что ты передал мне в пятницу. Как передать тебе мою радость, когда я открыла конверт и развернула листки с этими сжатыми пылкими строчками? Да, я хотела получить от тебя письмо, но я не ожидала, что оно будет таким длинным, ведь со времен Бандоля я отвыкла получать от тебя подобные письма.

Я оторвалась от тебя с болью в сердце. Нам так хорошо было вместе в прошлую пятницу! Я чувствовала каждое движение твоего обожаемого тела, а твой член наливался силой в моей руке; с какой страстью я обладала тобой, любимый! Никогда до этой минуты я так глубоко не содрогалась всем своим телом, мой обожаемый. Мне пришла в голову нелепая мысль, что нам, наверное, придется навсегда расстаться. В одну секунду она пронзила меня, и я страстно тебя обняла, запечатлев на твоих губах обжигающий поцелуй. На протяжении двух дней и ночей мой мозг, объятый безумием, и мое менструирующее тело страстно желали вернуться к тебе, который терпеливо меня дожидался.

И вот я разомкнула твои объятия, мой возлюбленный. И я освобождаюсь от них, без мыслей и без сил, но мое тело помнит о них и еще вздрагивает от твоих обжигающих поцелуев. Ах! Какой восхитительный час прожила я вместе с тобой. И едва закрылась дверь, как ты протянул ко мне свои руки, и я замерла в твоих объятиях, сгорая от желания и любви. Твои уста слились с моими в бесконечном дурманящем поцелуе. Твоя рука медленно скользнула к моим ягодицам, а моя стала искать твой член, который гордо поднялся ей навстречу. Ты же нашел наконец это маленькое и такое любимое отверстие, и, пока твой палец свободно трахал меня, я ухватила тебя за член, а другая моя рука потянулась к твоим яйцам, чтобы нежно их приласкать. Наши губы словно приклеились друг к другу, как и наши тела, а желание стало нестерпимым.

Скорее же… Эти минуты бесценны, мой дорогой, а я так хочу тебя, всего твоего тела, которое так вожделела одинокими ночами.

Видишь, я уже обнажилась, распростерлась на постели и жду тебя. Поторопись, любимый, иди скорей ко мне.

Меня неотвратимо влечет твое обожаемое тело, твоя великолепная, нежная белая кожа, твой член, который возбуждает во мне бешеное желание. Я беру его в рот. Хрип счастья вырывается из моей груди. Я наконец завладела этой прекрасной палкой и жадно ее сосу. Постепенно под моими губами член делается все толще и встает. Я счастлива, мой любимый, ну а ты – ты тоже хочешь отведать моей изнемогающей плоти. Ты прижимаешься губами к моему клитору. Ты ласкаешь его, и он вздрагивает от твоей невыносимой ласки. Всем своим существом ты сливаешься со мной. Твоя голова исчезает между моих бедер, твой живот прилипает к моему животу. Твои бедра сжимают меня. Твой член по-прежнему у меня во рту, а твои яйца дразняще касаются моих губ. Я хочу попробовать еще более редкую ласку, на которую никогда не осмеливалась. Мой рот нежно переходит к этой теплой плоти. Вот между моими губами пульсируют и подрагивают твои яйца. Мой рот жадно вбирает одно яйцо в поцелуе, и мои губы смыкаются. Вот оно, пульсирует и бьется у меня во рту, как птица, и это чрезвычайно приятно. От этой новой ласки ты весь содрогаешься и трепещешь. Твое тело становится особенно тяжелым, и главное, что мы теперь ощущаем, – это то, как тесно мы связаны. И в течение долгих минут, не ослабляя ни на миг наши объятия, мы сосем друг друга словно в бреду, и острое и болезненное наслаждение мешает нам вздохнуть.

С каким наслаждением ты терзаешь эту плоть, мой Шарль. И пока твой язык делает его дьявольскую работу, ты засовываешь два пальца в мой анус, и я ощущаю еще более острое удовольствие. Ты хрипишь от сладострастия, мой рот сильнее сжимает твои яйца, а моя рука – твой член, и я молю о пощаде.

Я уже без сил, но ты еще не удовлетворен, и ты помещаешь свой великолепный член в мое лоно. Я хочу тебя, любимый, хочу, хочу. Я так делаю всегда, когда остаюсь одна, и мое желание становится слишком сильным. Твой член совершает поступательные движения, он входит в мою трепещущую плоть. Мы трахаемся, глядя друг другу в глаза. Я тереблю свой клитор, в то время как ты запустил в мой анус сначала один, а потом и второй палец…

Можно ли мечтать о большем разгуле, о более совершенном разврате и грехе? Все эти удовольствия мы получаем согласно и одновременно, и мы стонем от нашего садистского сладострастия. Мы теряем рассудок от незабываемых ласк, и это еще не все, нет, не все.

Мои ногти терзают твою плоть, но я уже кончила. Ты опустошил мой мозг и сделал бесчувственным мой клитор своей дьявольски умелой лаской. Теперь я хочу видеть, как тело моего любовника безудержно содрогается в сладострастных конвульсиях. Я хочу наконец увидеть, как оно доходит до последнего предела наслаждения, как это было со мной.

Твои пальцы нервно сжимают член. «Я кончаю, дорогая, я кончаю», – говоришь ты прерывающимся голосом. Повернись ко мне. Я не хочу пропустить ни мгновения этой садистской ласки. В твоих прекрасных глазах пылает огонь. Одно мгновение ты смотришь на тело своей любовницы, все еще распростертое под тобой. Ты как будто ищешь, куда излить свое семя. Я готова, мой любимый, к тому, что ты окропишь меня им, тем самым навсегда соединив наши тела. Дрочи же свой чудесный член, сжимай его в руке, все крепче и крепче. Я хочу запомнить это удивительное зрелище: воспроизводя эти порочные жесты наряду с другими, мы поднимаемся на еще одну ступеньку греховности. Ты трахал мои губы и мой анус, которые заставляли твой член фонтанировать, а сегодня ты сделаешь это сам – для меня.

Вот первая капля появилась на головке члена. Ты разжимаешь пальцы; я просовываю руку между твоих бедер и как можно глубже ввожу тебе в анус палец. Ты стонешь, вскрикиваешь, вздрагиваешь всем телом и бешено извергаешься мне на грудь и живот. Сперма хлынула так обильно, что я с удовольствием размазала ее, обильную и теплую, по всему телу. Я благодарна твоему члену за эту восхитительную радость. Как прекрасно ты оросил меня, возлюбленный, и как же я тебя люблю! Я счастлива, очень счастлива. Я принадлежу тебе навсегда. Ты этого хочешь?

Мои надежды оправдались. Наши безумства завершились так, как мы того хотели. Я сумела доставить тебе такое удовольствие, что ты покрыл меня всю своим семенем, одарив тем незабываемым и удивительным ощущением, о каком можно было только мечтать.

Но ты, мой любимый, скажи, ты тоже счастлив? Оправдала ли я твои ожидания? Сумела ли я доставить тебе то необычайное удовольствие, какого ты хотел? Считаешь ли ты возможным обрести где-то ласки, более изысканные, чем наши? Возможны ли страсти более порочные? Скажи, веришь ли ты, что можно достичь других удовольствий, более сладостных?

На моем теле сохранились следы твоих поцелуев. Я обессилела после твоих слишком изысканных объятий. Скажи, кто научил тебя всем этим страстям, мой восхитительный любовник?

Мне кажется, будто я все еще ощущаю во рту твои подрагивающие яйца. Сегодня они стали моим открытием. Они были так приятны моим губам, такие маленькие, такие нежные, такие теплые. Скажи, доставила ли тебе эта новая ласка какое-то особенное удовольствие?

Как выразить, какое это удовольствие, чувствовать твою голову у себя меж бедер! Твои губы до последней капли высосали мои соки, ведь ты так здорово умеешь сосать меня, что, несмотря на боль, которая сопровождает эти наслаждения, у меня не возникает желания оторвать твои губы от моего напряженного клитора. Если мои ласки сделали тебя счастливым, то лишь потому, что я ласкала тебя с любовью, ведь для меня нет ничего приятнее, чем чувствовать губами твою плоть.

Сегодня вечером я буду думать о тебе. В мыслях и мечтах я вновь проживу мгновения наших безумств. Я хочу вернуть себе ощущение от твоей спермы на моей коже. Это незабываемо, и эта перверсия отныне навсегда запечатлелась в моей памяти.

Отныне, когда я буду о тебе думать, я буду видеть тебя с твоим прекрасным эрегирующим членом, и эту яркую картину ни с чем нельзя сравнить.

Завтра вечером, если это у тебя получится, я хотела бы получить от тебя длинное письмо. Мне не терпится узнать о твоих ощущениях, мой обожаемый, и я хочу, чтобы ты сказал мне, удалось ли мне ублажить тебя.

Я очень устала, знаешь об этом? И мне пора остановиться, уже почти час ночи.

До завтра, мой драгоценный.

Целую тебя, любимый, везде-везде. И если ты хочешь сделать меня счастливой, одари своим искусным поцелуем мой возбужденный клитор, заставь меня бесконечно, до потери дыхания, наслаждаться. Я же буду целовать твои обожаемые яйца, страстно сосать их, не забывая о твоей палке, которую я тоже обожаю.

Напиши поскорее – люблю тебя – вся твоя.

Твоя маленькая шлюшка

Симона
Письмо 40
Понедельник, полночь

Любовь моя,

я была злюкой, ужасной злюкой. Прошу простить меня за это, но я была огорчена, потому что рассчитывала, придя в офис, обнаружить там твое длинное письмо. Но я не только не обнаружила письма, но и нашла тебя в полдень холодным и отстраненным, и мне было плохо, очень плохо. Мой любимый, что так разочаровало тебя, может, наше последнее свидание? Но разве я не доставила тебе все удовольствия, каких ты только желал? Неужели ты разомкнул объятия, не получив того, на что рассчитывал? Но ведь я постаралась удовлетворить тебя всеми возможными способами. Моих скромных возможностей хватило, чтобы ты испытал необычный оргазм. Но именно поэтому, возможно, ты не получил того яркого впечатления, которого искал. И все же, заново пережив эту встречу, я в очередной раз испытала жар моих чувств, которые не успокоят никакие объятия. Сам подумай, мой драгоценный, что это были за минуты… Ты едва успел раздеться, а твой жезл уже вторгся в мою плоть. Он попирал мою вздрагивавшую плоть, которую затем ты покрыл поцелуями. Ты нашел своими нетерпеливыми губами эту маленькую дырочку, которая ждала много большего, а во мне уже поднималось бешеное желание. Твой отвердевший член тоже содрогался от желания. Ему требовалась ласка моих губ, чтобы его гордая розовая головка стала еще тверже и объемнее. Он восхитительно пульсировал у меня во рту, но оба мы хотели другого, и твой член был готов к тому, о чем мы так много говорили… Твой выставленный зад сводил меня с ума. Именно в то мгновение мы и собирались осуществить эту сумасшедшую мечту о том, чтобы тобой словно бы овладел мужской член. Палец прокладывал путь для предмета (увы, слишком примитивного), который я держала в руке. Твоя плоть вздрагивала от удовольствия в предвкушении этой минуты. Во мне живет безумный страх, что ты был ужасно разочарован. Но моя рука дрючила твой жезл, и ты сам дал мне знак остановиться. Ты был готов обладать мной, и твой член вторгся в мой зад. У нас обоих закружилась голова. А затем ты сделал меня совершенно счастливой, когда твои губы нашли мой клитор. Ты нежно сосал его, а я безумно наслаждалась этими минутами. Ты же получал удовольствие и от своих ощущений, пока я держала твой член во рту.

Что это, милый Шарль? Это всего лишь иллюзия, или я нисколько не ошиблась? Будь со мной откровенен, скажи мне правду. Ложь между нами бесполезна… Ты ведь знаешь, мы не обменялись клятвами, и ничто не привязывает нас друг к другу, кроме этого взаимного удовольствия. Но если мои ласки больше не радуют тебя, если ты пресытился либо даже испытываешь отвращение, скажи мне, любимый, только не огорчай меня больше при встрече своей холодностью и отстраненностью. Позвони мне завтра, скажи, хочешь ли видеть меня в полдень или ты намерен оставить меня и наша сегодняшняя встреча была последней.

Ну а я… Я постараюсь уснуть с мыслями о тебе. Не обещаю оставаться мудрой.

Я прижимаюсь губами к твоим губам, я беру в рот твой восхитительный член. Я люблю тебя и целую тебя всюду. До завтра, дорогой.

Твоя Симона
Письмо 42
Утро пятницы

Мой дорогой Шарль,

я обнаружила сегодня в своей почте твое вчерашнее письмо. Можешь себе представить, что я пережила за все это время, начиная со вчерашнего утра и кончая сегодняшней ночью. Ты не ответил на мое письмо, и я решила, что между нами все кончено. И что же, что могла я сделать, кроме как предаться страданиям?

Теперь это позади. Я услышала твой голос, и сердце мое встрепенулось от радости. Мое обожаемое божество, теперь я знаю, что ты остаешься со мной. Кошмар рассеялся, чтобы освободить место для изысканной реальности. Но, знаешь, мне пришлось мучительно страдать. Ты скажешь: сама виновата. Возможно, но в этом есть и твоя вина, ведь ты был так грустен со мной в последнее время, и это натолкнуло меня на мысль, что наши встречи вызывают у тебя одну лишь скуку. Что ж, не будем больше об этом. Я научусь лучше понимать тебя, чтобы крепче любить.

И все же я и так люблю тебя с особой нежностью, которая еще недавно казалась мне невозможной. Вчера я поняла, насколько ты мне дорог и как мне не хватает твоих ласк. Я тороплюсь, страшно тороплюсь сжать тебя в своих объятиях, вдыхать запах твоей кожи, меня дурманят твои поцелуи, которым я предаюсь всем существом. Любовь моя, я хочу прожить рядом с тобой еще несколько страстных часов и еще я хочу забыть с тобой и тоску и слезы.

Погрузи меня в удовольствия, мне так давно их не хватает. Заставь меня страдать от твоей грубости. Моя плоть требует обжигающих ударов хлыста, и, когда я превращусь в пленницу в твоих руках, когда ты примешься играть с моим телом по велению твоей жестокой страсти, я получу восхитительную награду, которой так беззаветно жду.

Шарль, милый, сколько же дней прошло после нашей последней встречи! Во мне живет сумасшедшее желание, которое диктует мне мое тело, и страх потерять тебя навсегда, и огромная радость вновь тебя обрести – все это заставляет меня устремляться в твои объятия еще более любящей, чем всегда. Я страстно хочу целовать твою трепещущую плоть. Хочу держать губами твой подрагивающий член и чтобы под моими ласками из тебя изверглось семя… Но более всего я хочу снова владеть тобой, держать тебя в страстных объятиях. Хочу чувствовать, как ты неудержимо дрожишь от моих ласк. Я хочу, чтобы ты дал мне свои ягодицы и чтобы мои язык и пальцы проложили путь моему нетерпеливому «члену», который станет трахать тебя всего, чтобы снова дать тебе восхитительные ощущения, столь необходимые тебе, как и мне.

Когда этого захочешь, мой любимый, ты найдешь меня совершенно готовой любить тебя, готовой страдать, ведь я знаю, ты заставишь меня страдать, чтобы наказать за то, что была злюкой. В твоем вчерашнем письме содержится угроза, и от нее меня бы бросило в дрожь, если бы я так тебя не любила. Ударь, любимый, ударь, отомсти мне. Я принадлежу тебе, и все мое тело в твоей власти. Я счастлива в твоих руках, ведь я тебя обожаю. Я жду твоего звонка. Смогу ли я приехать к тебе этим вечером? Хочу поскорее вновь тебя видеть, чтобы сорвать прощение с твоих любимых губ. До встречи, мой драгоценный, я раздвигаю твои бедра и страстно целую твой чудесный член. Дай мне свои губы, Шарль, а потом свои глаза. Люблю тебя, ты знаешь об этом? Хочу быть с тобой всегда, всегда. До вечера, любимый.

Твоя Симона

Письмо 43

Среда

Мой дорогой и бесценный,

какой чудесный час я провела вчера в твоих объятиях! Он навсегда пребудет в памяти моей плоти и моего сердца, через все те безумства, что мы пережили.

Я была счастлива, очень счастлива. Я чувствовала, как в тебе росло желание. Твои глаза излучали странный свет, который так меня возбуждает и волнует, а с каким победительным видом ты связывал мне руки… Затаив дыхание, я ожидала этого испытания со всей силой моей любви. Мне хотелось не разочаровать тебя. Удалось ли мне это, любимый? Да, меня заставили страдать удары хлыста, но разве я не чувствовала ласку твоих губ на моих исхлестанных ягодицах?

Любимый, неужели возможно более насыщенно прожить такие минуты? Не думаю. Я верю, что, испытав вместе такой пьянящий опыт, мы никогда, ни за что не сможем его забыть. С каждой встречей мы все больше привязываемся друг к другу через наши извращения. И каждое объятие делает эти узы все крепче. Всякий раз все то же сумасшедшее желание бросает нас друг к другу. Пусть это огромное счастье продлится как можно дольше! Пусть ничто и никогда не разлучит нас. Мне это было бы слишком тяжело.

Я всецело принадлежу тебе, мой драгоценный возлюбленный, и я не хочу думать о том печальном времени, когда ты меня оставишь. Скажи, что ты меня любишь, Шарль, и что ты счастлив в моих объятиях. Я хочу это услышать от тебя, чтобы успокоить мое сердце. Я бешено целую всего тебя.

Симона

Письмо 48

Мой обожаемый,

твое письмо пришло вчера вечером, когда я уже уходила и ничего не ожидала. Это была двойная радость. Ты мне ответил, и твой ответ был именно таким, какого я ожидала. Я тебя обожаю.

Я счастлива, что предыдущее мое письмо пришлось тебе по вкусу. Мне известно, что ты любишь, мой страстный. Итак, послушай.

Я тоже хочу немыслимых ласк. Я хочу, чтобы мы сумели получить от наших тел максимум удовольствий, из тех, которые не забываются. Да, дорогой, на нашем предпоследнем свидании я поняла, что ты хотел этого нового опыта, и я рассказала тебе о том, что со мной не так, когда ты нежно и осторожно засовываешь свой член в мой влажный рот. Мне было бесконечно приятно ощущать, как ты целуешь мой клитор. Ты сумел пробудить во мне желание этого опыта, от которого я добровольно отказалась по ряду причин. На нашей ближайшей встрече именно так ты должен взять меня, если хочешь, но, чтобы сгладить банальность такого обладания, ты знаешь, чего я от тебя жду. И ты засунешь мне в задницу свой неутомимый член. Под твоими умелыми пальцами я испытаю восхитительные ощущения, когда ты проделаешь ими путь в адской плоти, и у меня закружится голова от этого изысканного наслаждения, и ты возьмешь меня, мой любимый. Ты засунешь в меня свой чудесный член, ты страстно меня зацелуешь со всей своей стремительностью и нежностью и будешь ощущать, что я так дрожу от наслаждения, как будто это происходит в первый раз. Так наша любовь обновится через эти изысканные удовольствия. Если нам обоим достанет сил, я хочу, чтобы ты был грубым и жестоким. Я хочу, чтобы ты заставил меня страдать под безжалостными ударами узкого ремня, которые исполосуют мою кожу красными рубцами. Я буду непристойно подставляться, и ты будешь обрушиваться на меня со всей силой твоей бешеной страсти. И когда ты утолишь свое желание мучить, лихорадочно зацелуешь меня своими обжигающими губами. О милый, какое прекрасное наслаждение уготовило нам наше желание! Как и ты, я жду его с нетерпением. Да, моя обожаемая любовница, я буду твоим возлюбленным, и моя страсть наградит тебя, надеюсь, истинными радостями. Дай мне твое тело, я хочу нежно его целовать. Я хочу сосать твой член, хочу сосать твой зад и безостановочно трахать тебя моим неутомимым «членом». Приготовь для него коричневую дырку между твоих ягодиц. Раздвинь их своими нетерпеливыми руками. Мой язык, ты чувствуешь это, прокладывает таинственный путь. Он проникает в тебя так глубоко, как только может. Он заставляет тебя предчувствовать те объятия, которые вскоре оставят тебя без сил. Да, я прижимаюсь животом к твоему заду. Дай мне, дай. Чувствуешь ли ты огромную головку, которая медлит у входа? Она поднимается и опускается, она скользит. Движение бедер, и я трахаю тебя, мой любимый. Тебе хорошо, скажи, хорошо? Хочешь, чтобы я трахала себя у тебя на глазах? Вот, смотри. Видишь, между широко раздвинутых бедер мой палец, который входит и выходит. Он касается клитора, который напрягается от этой изысканной ласки. Мой живот вздрагивает от удовольствия, и ты уже можешь подставить губы, чтобы их обильно оросила выделившаяся из меня жидкость. Но я хочу, чтобы то же самое ты сделал себе. Я хочу видеть, как набухает в твоей руке розовая головка твоего члена. Я хочу, чтобы ты тоже дал мне посмотреть, как ты доводишь себя до экстаза и чтобы мы одновременно насладились и опьянели.

Это описание буквально сводит меня с ума, мой дорогой. Я хочу снова и снова доказывать, как люблю тебя. Я чудовищно порочна, любимый, и ты прекрасно знаешь, как пробудить во мне желание этих порочных ласк.

Веришь ли ты, что мы сумеем насладиться друг другом при нашей следующей встрече? Но нам нужно будет больше времени, ведь обычно приходится ужасно торопиться.

Вся моя плоть содрогается при мысли об этих объятиях. Что будет, когда я наконец окажусь в твоих руках?

До свидания, мой дорогой. Безудержно целую твое тело, которое сводит меня с ума. Я прижимаю свои губы к твоим губам в страстном поцелуе в ожидании, что вскоре смогу дать тебе больше.

Будь благоразумным, чтобы тебе хватило сил доставить мне удовольствие, как мы оба того хотим. Мне не терпится почувствовать мягкое присутствие твоего члена, последняя ласка которого оставляет во мне изысканный дар. Ну а ты? Ты тоже этого хочешь? Или мы намерены отступить от наших соглашений? Тем хуже, но я слишком тебя люблю, и я знаю, что твоя порочность очень скоро наставит меня на запретный путь. Целую тебя очень нежно, мой бесценный.

Симона

ПРИМЕЧАНИЕ

Приведенное выше письмо демонстрирует знаменательный поворот в этой страсти: два любовника, всего через полгода после начала связи, поменялись ролями, и это случилось не только на деле, но и на словах. До настоящего времени Симона выступала любовницей, беспрекословно подчинявшейся фантазиям и грубым желаниям партнера, уступая не только под его ударами, но и тому, что именуется «обычными объятиями», от которых она прежде яростно открещивалась, но потом вошла во вкус, что стало подлинным откровением.

Но вкус Шарля к содомии, в котором уже не сомневается Симона, дает ей, становящейся все более решительной, возможность более директивного поведения в этой сексуальной паре.

Правда, в том же письме она называет себя его «верной рабой», готовой снова переносить его бесконечные удары, но также она пишет: «моя обожаемая возлюбленная, я буду твоим любовником». Она не предполагает, не предлагает, она заявляет. То есть отныне Симона, более влюбленная, чем когда-либо, берет руководство сексуальными опытами в свои руки.

И еще она все больше боится того, что наскучила Шарлю, и ей кажется, что ему необходимо взять инициативу для самоутверждения, она хочет удовлетворить все тайные желания своего возлюбленного, но главное – удержать его.

Ж.-И. Б.